

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾).

Удивительно странно устроена человѣческая натура: во время проявленія общественныхъ бѣдствій: пожаровъ, землетрясеній, наводненій, войны, проявляются у нѣкоторыхъ лицъ самыя, низменныя, животныя инстинкты. Во время настоящей войны нѣкоторыя такія явленія вообще присущи всѣмъ арміямъ, но особенно ярко выступаетъ повальное невозможное, озвѣрѣніе германскихъ войскъ, имѣющее систематическое развитіе, навѣянное тевтонамъ еще задолго до войны, и привитое этимъ дикимъ воинамъ еще съ молокомъ матери. Не даромъ одна высокопоставленная дама выразилась про германца—это не человекъ, а чортъ.

Но не это явленіе пытаюсь изложить въ настоящихъ строкахъ петроградскаго обывателя. Во время войны, среди начальствующихъ лицъ, особенно среди высшихъ и штабныхъ развивается особенная склонность къ интригамъ и необычайная зависть къ полководческому таланту, зависть къ популярности начальника среди войскъ и народа. Исторія насъ поучаетъ, что эти явленія повторялись во всѣ войны, во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ.

Что дѣлается у австрійскихъ полководцевъ, то невозможно разобрать обыденному уму простого обывателя. Ярко горѣли у нихъ дѣянія разнаго рода эрцгерцоговъ, Ауфенберговъ, Данклей, Піотрековъ. Теперь о нихъ ничего не слышно. Одинъ изъ австрійскихъ военачальниковъ уже сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Покуда еще держатся Вейромъ Бемъ-Ермоли и

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюль 1915 г.

Боеровичъ, но и противъ нихъ, говорятъ, другіе австрійскіе военачальники сильно и очень сильно интригуютъ.

Въ германскихъ войскахъ дѣло на счетъ интригъ и зависти стоитъ уже болѣе опредѣленно.

Несомнѣнныя дарованія и твердый характеръ Мольтке сданы въ архивъ благодаря интригамъ бездарнаго кронпринца, старающагося выдвинуть своего профессора Макензена.

Несомнѣнно обладающій военными талантами Рупрехтъ Баварскій вслѣдствіе интригъ высокихъ принцевъ остается въ тѣни.

Выдвигается популярный въ Германіи Гинденбургъ. Говорятъ, что Вильгельмъ начинаетъ ему завидовать и Гинденбургъ начинаетъ стусевываться. Наслѣдовавшіе за Мольтке постъ начальника генеральнаго штаба становятся безсловесными рабами Вильгельма.

Кайзеръ возмнилъ себя Наполеономъ и начинаетъ фактически управлять германскими военными операціями.

Приводимъ картинку корреспондента, поучительную для нашихъ пѣмцелюбовъ ¹⁾.

Передовой отрядъ, гдѣ работала сестра Д., отправилъ раненыхъ и готовился передвинуться вслѣдъ за нашими войсками черезъ день или два. Передъ отправленіемъ сестры рѣшились,

¹⁾ „Русск. Сл.“, 27 апр. сего года.

пользуясь перерывомъ въ работѣ, хорошенько подкрѣпить свои силы вкуснымъ обѣдомъ, такъ какъ уже нѣсколько дней во время боевъ приходилось питаться только чаемъ и хлѣбомъ. Послали въ сосѣдній городокъ за провизіей и приготовили себѣ „настоящій“ обѣдъ. Вдругъ около часа дня, когда столъ былъ накрытъ, и отрядъ готовился приступить къ обѣду, въ деревню ворвались нѣмцы.

Съ криками и угрозами вошли германскіе офицеры въ помещеніе отряда. Увидѣли накрытый столъ, обрадовались:

— Вотъ и прекрасно. Для насъ обѣдъ приготовили.

Это, разумѣется, не бѣда. Не велика важность остаться безъ обѣда. Но германцы не ограничились истребленіемъ чужого обѣда. Они разсѣлись за столомъ, а сестеръ и другихъ работниковъ отряда поставили около стола въ два ряда на колѣни.

— Постоите, посмотрите, какъ мы будемъ ѣсть вашъ обѣдъ...

Ѣли и все время издѣвались. Это было такъ обидно, такъ оскорбительно,—стоять на колѣняхъ и смотрѣть на грубыхъ враговъ,—что хотѣлось броситься на нихъ и пощечинами прекратить грубыя шутки и согнать насмѣшливыя улыбки. Только благоразуміе другихъ членовъ отряда удержало сестру Д. отъ взрыва негодованія.

Нѣмцы съѣли весь обѣдъ,—ничего не оставили. А сестры все время стояли на колѣняхъ. Затѣмъ нѣмцы забрали всѣ постели и подушки и улеглись спать. Къ сестрамъ же приставили караульнаго, чтобы онѣ не вставали съ колѣнъ. Ноги затекли, трудно стоять, а солдатъ даже пошевелиться не позволяетъ. Сейчасъ же грозитъ винтовкой.

Вдругъ раздалась артиллерійская пальба. Сообразили, что это—наши батареи.

Какими родными показались звуки русскихъ снарядовъ. Правда, эти снаряды могли отправить на тотъ свѣтъ и сестеръ, но таково было озлобленіе противъ нѣмцевъ, что готовы были сами погибнуть, лишь бы только отомстить имъ за издѣвательство.

Долго ли, коротко ли продолжалась стрѣльба, но одинъ снарядъ, наконецъ, попалъ въ халупу, гдѣ спали нѣмцы, и стояли на колѣняхъ наши сестры. Убить никто не былъ. Снарядъ только оторвалъ весь уголъ халупы.

Нѣмцы вскочили и быстро бѣжали изъ деревни. Поднялись и сестры. Стояніе на колѣняхъ продолжалось часа три. Ноги такъ болѣли, что съ трудомъ двигались.

Вскорѣ въ деревню прискакалъ казачій разъѣздъ. Офицеръ нашель сестеръ и сказалъ, что отправится сейчасъ въ погоню за нѣмцами, но сестрамъ совѣтоваль бѣжать немедленно на станцію, гдѣ уже приготовленъ поѣздъ для эвакуаціи раненыхъ и медицинскаго персонала.

Голодные, усталыя побѣжали сестры къ поѣзду. Бѣжали версть семь. Прямо задохались отъ усталости, падали, лежали нѣкоторое время, опять поднимались и снова бѣжали. Достаточно было подумать, что нѣмцы могутъ настигнуть и забрать въ плѣнъ, чтобы истощенныя силы мгновенно возстановились, и ноги сами пришли въ движеніе. Въ довершеніе всего, нѣмецкая артиллерія начала обстрѣливать русскія войска, и надъ сестрами рвались шрапнели, и пролетали „чемоданы“. Когда онѣ добрались до поѣзда, то образа человѣческаго не имѣли,— такъ устали, оборвали платья, забрызгались грязью.

Состоящія въ россійскомъ подданствѣ нѣмецкія фамиліи распадаются рѣзко на двѣ части. Одна, совершенно обрусѣвшая, облыжно нсситъ нѣмецкую фамилію и любитъ Россію не меньше истыхъ, русскихъ, людей. Конечно, было бы лучше, если бы они добровольно, но не страха ради іудейска, перемѣнили свою фамилію, и тогда дѣло съ ними было бы окончательно ликвидировано.

Другая часть живетъ домашней нѣмецкой жизнью, сопрячена по духу нѣмецкой культурѣ, вѣроисповѣданія не православнога и преданность Россіи этой части сомнительна. Конечно, и въ этой части есть отгѣнки, примыкающіе къ Россіи, но ихъ сравнительно мало. Все это нѣмцы по духу и русскими они быть не желаютъ; молодежь нѣкоторыхъ фамилій частью воспитывается въ Германіи, частью въ Россіи, частью служитъ въ русскихъ войскахъ, частью въ германскихъ.

Русскіе нѣмцелюбы тоже раздѣляются на двѣ части: одни идейныя, узколюбые, поклонники нѣмецкой культуры, нѣмецкаго уюта, не вѣрящіе въ нѣмецкія звѣрства, ставящіе нѣмецкую науку и технику превыше всего. Они-то главнымъ образомъ тащатъ русскія денежки на нѣмецкій уютъ и нѣмецкіе курорты.

Другая часть продала свою душу нѣмецкому чорту, не чуя зла въ нѣмецкихъ торговыхъ и акціонерныхъ предпріятіяхъ. Россія для нихъ звукъ пустой. Выгода кармана превыше всего. Эта отвратительная часть заслуживаетъ, въ особенности теперь, самаго глубокаго перзрѣнія.

Въ №№ 90 и 96 „Русскаго Слова“ и „Новаго Времени“ № 14048 иногда удивительныя вещи передають про общество фабрикантовъ и заводчиковъ московскаго раіона, про московскій биржевой комитетъ и его верховодителя Г. А. Крестовникова, отличающагося изумительнымъ германофильствомъ, проводившаго въ комитетъ нѣмцевъ и защищавшаго исключительно нѣмецкіе интересы.

Московское купечество возмутилось противъ Крестовникова и рѣшило выгнать нѣмцевъ изъ биржевого комитета и самовластнаго Крестовникова поставить на свое мѣсто.

Вотъ что указываетъ по этому поводу Г. Даниленко въ № 90 „Русскаго Слова“:

Въ московскомъ биржевомъ комитетѣ, кромѣ настоящихъ нѣмцевъ, имѣются еще и онѣмечившіеся люди, всецѣло зависящіе отъ нѣмецкаго капитала.

— Ведутъ они свои дѣла,—говорилъ одинъ изъ членовъ депутаціи, коренной московскій купецъ, изъ стариннаго купеческаго рода,—широко, но вовсе несообразно со своими средствами, а потому нуждаются въ поддержкѣ банковъ, въ большомъ нѣмецкомъ кредитѣ. Они очень переплелись между собою деньгами и дѣлами, а кромѣ того, имѣють теплыя мѣстечки въ различныхъ банкахъ и нѣмецкихъ предпріятіяхъ...

Эти двѣ организаціи давно уже были непріятны коренному московскому купечеству и отдѣльнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ, не особенно тяготѣвшимъ къ существующимъ объединяющимъ организаціямъ.

Гнетъ московскаго биржевого комитета давно ощущался.

Нынѣшняя война на многое открыла глаза.

Если до войны диктатурой Г. А. Крестовникова тяготились, не дерзая роптать, то послѣ тѣхъ „разоблаченій“, которыя сдѣлала война, молчаніе смѣнилось ропотомъ.

Война вскрыла то, чего ранѣе никто не замѣчалъ, не видѣлъ и надъ чѣмъ никто не задумывался.

Она показала, что вся группа крупныхъ дѣльцовъ, захватившихъ въ свои руки объединенную организацію фабрикантовъ и заводчиковъ, спаявшаяся съ московскимъ биржевымъ комитетомъ,—группа, поработившая русскую промышленность, всю свою силу создала, главнымъ образомъ, благодаря нѣмецкимъ деньгамъ.

И, несмотря на войну, значеніе этихъ денегъ у насъ ничуть не ослабѣло.

Чего можно было ждать отъ нѣмцевъ или отъ заарендованныхъ нѣмцами русскихъ въ мирное время, а тѣмъ болѣе теперь, во время войны?

Теперь у всѣхъ и явились сомнѣнія, почему именно такой неопредѣленный уклонъ получило разрѣшеніе цѣлаго ряда крупнѣйшей важности вопросовъ, такъ живо интересовавшихъ коренную русскую промышленность: о правахъ иностранныхъ подданныхъ враждебныхъ государствъ; объ исполненіи сдѣлокъ и договоровъ, заключенныхъ съ подданными этихъ государствъ; о прекращеніи силы патентовъ и привилегій; наконецъ, о бойкотѣ вражеской промышленности, и т. д., и т. д.

Особенно интересно, какъ абсолютно ничего не дѣлалъ въ Москвѣ московскій биржевой комитетъ,—сатрапія г. Крестовникова.

Зависимость московскаго биржевого комитета отъ нѣмцевъ оказалась настолько серьезной, что этотъ комитетъ ни одного крупнаго вопроса не счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія выборныхъ биржевого общества.

Въ одной изъ корреспонденцій ¹⁾ г. Петровъ передаетъ одно изъ развлеченій окопной жизни нашихъ чудо-богатырей:

„Сидятъ и гадаютъ:

— Что бы придумать?.. Нѣмцу штуку какую, что ли, устроить?

Глядишь, и сочиняютъ:

— Свинью сегодня наши на завтра зарѣзали. Идемъ.

Пошли. Сѣли въ кружокъ на корточки. Накрылись плотно шинелями и подъ ними, при свѣтѣ карманнаго фонарика, сняли кожу. Хлопотали полночи, а потомъ гурьбою поползли за окопы. Пробыли гдѣ-то до разсвѣта. Вернулись съ тихими смѣшками, какъ проказливые малые ребята, и, довольные, легли спать.

— Куда ходили?—сквозь дремоту спросили товарищи.

— Нѣмцу памятникъ ставили!

— Лѣшіе!.. Скалозубы!..—бормотали товарищи, засыпая.

На утро, чуть взошло солнце, нѣмцы напротивъ — какъ бѣлены объѣлись: подняли такую стрѣльбу по всей линіи окрестныхъ окоповъ, что у насъ всѣ повскакали:

— Атака, что ли?

¹⁾ „Русское Слово“, 24 апрѣля сего года.

Кинулись къ бойницамъ,—нѣмцы сидятъ у себя, только палятъ бевъ-умолку. Наши дивятся: стрѣльба горячая, а свиста пуль падъ окопами нѣтъ.

— Куда они палятъ?—дивились наши.

— А вонъ туда; по столбу у самой линіи ихъ загражденій,—объяснили ночные путешественники.

У кого были бинокли, стали смотрѣть. Передавали другимъ. По окопу пошелъ хохотъ.

Наша компанія сняла шкуру борова. Голову оставили цѣлой. Туловище набили тряпками и понесли. Дотащили до самыхъ загражденій, подъ носомъ у нѣмецкихъ окоповъ, срѣзали потихоньку у одного столба потолокъ всю проволоку и нѣмецкимъ солдатскимъ ремнемъ крѣпко привязали стоймя свинью къ столбу. На голову натиснули прусскую каску. Нацѣпили патронташъ. Въ переднія лапы всунули и привязали нѣмецкую винтовку.

Среди компаніи нашелся одинъ латышъ изъ Митавы, который зналъ хорошо нѣмецкій языкъ. Латышъ на бѣлой тряпкѣ сажей написалъ по-нѣмецки:

— Покоритель Россіи.

Навязали тряпку свинѣ на животъ и вернулись, крадучись, домой. На разсвѣтъ нѣмецкіе дозорные разглядѣли „статую“. Прочли надпись. И поползли, чтобы убрать. Наши караулили. И по тому мѣсту пятокъ-десятокъ пуль. Дозорные поползли снова. Ихъ опять срыснули пулями. Они донесли своимъ въ окопы. Тутъ и пошла кутерьма.

Наши хохотали и кричали поверхъ бойницъ:

— Шрапнелью, шрапнелью свинью!

Другіе ревѣли:

— Самоубійцы!

Черезъ полчаса „покорителя Россіи“ излохмотили въ клочья. Съ ночью прикончили.“

2—6 мая. Причина нахально дерзкаго отношенія Германіи къ Соединеннымъ Штатамъ заключается въ томъ, что Германія не считаетъ опасной для себя сухопутную армію и флотъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Германіи полагаютъ, что если американцы ввяжутся въ войну, то имъ труднѣе будетъ выполнять военные заказы для Россіи, Англіи и Франціи, и наконецъ, что если

Въ прекрасной книгѣ А. С. Розанова „Нѣмецкое шпионство“ сообщается пикантное свѣдѣніе, что наши старые знакомцы и непосредственные друзья Сименсъ и Гальске, Шуккертъ и др. дали обязательства помѣщать дорогія публикаціи только въ тѣхъ иностранныхъ газетахъ, которыя будутъ пользоваться свѣдѣніями агентства Вольфа, тѣсно связаннаго съ обслуживаніемъ австро-германскихъ интересовъ.

Другое не менѣе пикантное сообщеніе передаетъ, что въ настоящее время достовѣрно извѣстно, что значительныя суммы изъ секретныхъ фондовъ кайзера Вильгельма были переданы германскимъ социалистамъ для веденія агитаціи среди русскихъ рабочихъ. Организациія іюньскихъ забастовокъ прошлаго года обошлась германскому посольству около восьми милліоновъ рублей.

„Вечернее Время“ отъ 5-го мая сообщаетъ, что въ Петроградскомъ торговомъ портѣ состоитъ начальникомъ Орестъ Адольфовичъ Пиперъ, техникомъ Эмилій Густавовичъ Леманъ, старшими надзирателями Александръ Вильгельмовичъ Тимротъ и Петръ Вильгельмовичъ Гинденбургъ, а брандмейстеромъ В. А. Эллисонъ.

Въ „Кавказѣ“ было напечатано письмо генералъ-лейтенанта Степанова, участвовавшаго въ 1879 году въ комиссіи по разграниченію Россіи и Турціи по Берлинскому трактату. Въ комиссіи участвовалъ турецкій офицеръ, меланхолическій и молчаливый. Этотъ офицеръ, по словамъ генерала Степанова, сказалъ при установкѣ одного изъ пограничныхъ столбовъ: „Нѣтъ надобности хлопотать о прочности столбовъ. Границу придется переносить снова“.

Ген. Степановъ былъ озадаченъ замѣчаніемъ и вопросительно посмотрѣлъ на турка, который, почтительно улыбувшись, продолжалъ:

— Вы, русскіе, возьмете и Эрзерумъ, и Трапезундъ, и самый Стамбуль.

— Ну, мы съ вами не доживемъ до этого событія,—въ невольномъ смущеніи отвѣтилъ русскій.

— Я не доживу,—это вѣрно... Но вы будете имѣть возможность видѣть Стамбуль русскимъ. За это я, къ сожалѣнію, почти ручаюсь: такъ написано въ книгѣ судебъ“.

Предлагаемъ г.г. нѣмцелюбамъ нижеслѣдующую картинку одного изъ дѣяній культурныхъ германцевъ, начертанную талантливымъ перомъ г. Доманскаго ¹⁾.

Рядовой Н—скаго полка, казакъ Оренбургской губерніи, Челябинскаго уѣзда, Василій Водяной 27-го апрѣля былъ посланъ въ составѣ команды на развѣдку. Нужно было осмотрѣть густой лѣсъ. Поэтому солдаты разбрелись поодионочкѣ. Бродили долго. Водяной отбился отъ товарищей. Часовъ около четырехъ дня рѣшилъ вернуться. Только повернулъ и прошелъ съ полверсты, какъ вдругъ изъ-за куста выскочили трое германцевъ. Не дали опомниться,—обезоружили. Двое были рядовые, третій—старшій унтеръ-офицеръ. Рядовые схватили Водяного за руки, а унтеръ-офицеръ, коверкая слова, началъ допрашивать, гдѣ и въ какомъ количествѣ находятся русскія войска.

Водяной отвѣтитъ на этотъ вопросъ категорически отказался. Тогда унтеръ-офицеръ пригрозилъ:

— Я тебя сейчасъ заколю, если не отвѣтишь!

Но доблестный солдатъ упорно молчалъ. И даже когда разсвирѣпѣвшій нѣмецъ дважды изо всѣхъ силъ ударилъ его кулакомъ по лицу, Водяной не проронилъ ни слова.

— О, доннерветтеръ!—воскликнулъ окончательно вышедшій изъ себя унтеръ.—Русская свинья! Мы научимъ тебя говорить!

Вынулъ тесакъ и подошелъ вплотную къ солдату.

— Будешь отвѣчать?—прохрипѣлъ зловѣще.

— Про наши войска не скажу ничего!—спокойно отвѣтилъ Водяной.

Въ ту же минуту острая боль обожгла его голову: ударомъ тесака палачъ отрубилъ ему правое ухо.

— А теперь ты будешь говорить?—продолжалъ рычать нѣмецъ.

— Ничего не скажу!—превозмогая боль, отвѣтилъ Водяной.

Палачъ отдалъ какое-то приказаніе подчиненнымъ. Тѣ повалили Водяного на землю. Одинъ солдатъ сѣлъ ему на грудь, другой—на ноги. А унтеръ-офицеръ, наклонившись, сталъ медленно, чтобы сдѣлать боль мучительнѣе, отрѣзать Водяному лѣвое ухо.

Несчастный до крови закусилъ губу, чтобы не издать ни звука.

Когда гнусная операція была кончена, Водяного снова подняли.

¹⁾ „Рус. Сл.“, 6 мая с. г.

— Ну, а теперь ты отвѣтишь, гдѣ находятся ваши главные силы?

— Ничего не отвѣчу!

— Глаза сейчасъ тебѣ выколю!— снова въ бѣшенствѣ набросился на него унтеръ-офицеръ.

И, вѣроятно, привелъ бы свою угрозу въ исполненіе. Но рядовые стали уговаривать своего начальника не дѣлать этого.

— Хорошо!— отвѣтилъ звѣрь.— Но если ты не отвѣтишь сейчасъ на мой вопросъ, я отрѣжу тебѣ языкъ!

— Коли ты разбойникъ, а не солдатъ,— поступай, какъ знаешь! Но только мы, русскіе солдаты, присягѣ не измѣнники!

Это были послѣднія слова, сказанныя Водянымъ.

Снова началось нѣчто неописуемое, нѣчто ужасное. Водяного снова повалили и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, вырѣзали ему языкъ.

Совершивъ свое гнусное дѣло, злодѣи скрылись.

Обезсиленный, терпя страшную боль, искалѣченный солдатъ поднялся и побрелъ къ нашимъ позиціямъ. Пришелъ поздно вечеромъ и карандашикомъ на бумажкѣ доложилъ начальству о всемъ случившемся.

Я жадно прочитывалъ строчки, которыя набрасывалъ въ моей книжкѣ Водяной, и повторилъ ихъ вслухъ санитарамъ и сестрамъ, окружившимъ плотнымъ кольцомъ койку. Всѣмъ намъ было безконечно жаль искалѣченнаго,—сестры даже плакали,— всѣмъ намъ было невыразимо больно, тяжело. И въ то же время всѣхъ насъ охватило чувство свѣтлой радости, яркой гордости.

Его Величество Государь Императоръ 5-го сего мая изволилъ прибыть въ дѣйствующую армію ¹⁾.

Съ 1-го включительно по 6-е мая наши дѣйствія въ Митавскомъ и Шавельскомъ раіонахъ у Опатова, а также на р. Прутѣ и Восточной Галиціи были успѣшны, а въ Западной Галиціи большія массы противника наступали на насъ на всемъ фронтѣ, при чемъ главные силы противника обрушились на нашу славную третью армію. Дѣятельность третьей арміи въ сообщеніи штаба Верховнаго Главнокомандующаго изображается въ слѣдующемъ видѣ:

¹⁾ „Русскій Инвалидъ“ № 100, 6 мая с. г.

„Силы, кои противникъ рѣшился вновь перебросить на нашъ фронтъ, оказались столь значительными, что нашей третьей арміи не удалось сдержать ихъ напора на участкѣ Цѣнжковице-Горлице. Путемъ непрерывныхъ упорныхъ боевъ и перехода въ стремительныя контръ-атаки, коими удалось не допустить намѣченный непріателемъ прорывъ нашего расположенія, дѣйствія противника были сведены къ лобовымъ ударамъ на послѣдовательно занимаемая третьей арміей позиціи. Высокій духъ нашихъ войскъ позволилъ имъ, сохраняя полный порядокъ, разрѣшить выпавшія на нихъ трудныя боевыя задачи и нанести непріателю огромныя потери.

Къ 1-му мая вся третья армія развернулась на Санѣ“.

По этому сообщенію выходитъ, что третья армія упорными боями на послѣдовательныхъ позиціяхъ удерживала превосходныя силы противника, не допустивъ нигдѣ прорыва и въ полномъ порядкѣ развернулась на р. Санѣ. Далѣе въ этомъ сообщеніи передается, что нашимъ остальнымъ силамъ пришлось въ это время перегруппироваться и отойти отъ Карпатъ. Значитъ, и въ этомъ отношеніи третья армія оказала родинѣ громадную услугу. Задерживая своими упорными боями превосходныя силы противника, она дала возможность прочимъ арміямъ перегруппироваться и отойти отъ Карпатъ. На самомъ Санѣ противникъ опять сталъ насѣдять между Ярославомъ и Лезаховымъ на третью армію, которая съ самаго отхода съ Дунайца, имѣла въ своихъ рядахъ половину второочередныхъ частей.

Передъ переходомъ германцевъ въ наступленіе противъ нашей третьей арміи, кайзеръ приказалъ перевезти гвардію съ французскаго фронта изъ Шампани. У Горлицы состоялся смотръ германской гвардіи, послѣ котораго по обыкновенію началась высокопарная рѣчь Вильгельма, обращенная къ войскамъ. Конца этой рѣчи прусскіе гвардейцы не дождались. Наши артиллерійскіе развѣдчики запримѣтили скопленіе непріятельскихъ войскъ, по которымъ былъ направленъ огонь нашей артиллеріи, при чемъ одинъ изъ снарядовъ разорвался недалеко отъ автомобиля кайзера. Вильгельмъ не относится безбоязненно къ разрыву снарядовъ, а потому онъ мгновенно прервалъ рѣчь и быстро уѣхалъ, а гвардія спѣшно разошлась, съ обстрѣливаемаго пространства.

Разсказываютъ, что на предварительныхъ совѣщаніяхъ Гинденбургъ не очень-то одобрялъ Галиційскую операцію веденіе которой было поручено профессору кронпринца генералу Макензену.

Считающійся специалистомъ по части прорывовъ генераль Макензенъ для этой цѣли примѣнилъ древне греческое построение фалангу, въ 15 шеренгъ глубиной и 1000 рядовъ по фронту. Эту фалангу составили прусскіе 1 и 2 гвардейскія дивизіи, двѣ сводныя дивизіи изъ лучшихъ полевыхъ полковъ, 10 полевой корпусъ и 41 резервный подъ начальствомъ генерала Эмиха. Фаланга обслуживалась многочисленной тяжелой артиллеріей, расположенной, по эшелонно, въ глубину. Тучи аэроплановъ корректировали ураганную стрѣльбу громаднаго числа орудій. Эта чрезвычайно продолжительная ураганная стрѣльба должна была смести все живое, а затѣмъ поле дѣйствій предоставлялось фалангѣ пѣхоты. Прилагается схематическій чертежъ этой фаланги, дѣйствовавшей у Горлице и Ярослава. По пути отъ Горлице на участкѣ Беско-Яжмиржъ, какъ у насъ это было указано на стр. 176 Замѣтокъ, фаланга эта была, по приказанію командующаго 3-й арміи, атакована съ успѣхомъ во флангъ нашимъ резервомъ.

По словамъ участниковъ этого отступленія 3-й арміи съ Дунайца на Санъ наши войска глубоко закапывались противъ германскаго ураганнаго огня. Во время этого огня наша артиллерія и пулеметы не стрѣляли и начинали стрѣлять только при наступленіи фаланги, изъ рядовъ которой валили горы труповъ германцы, укрываясь за этими трупами, напирали снова—наши отступали на 2-ю, затѣмъ на 3-ю линію окоповъ и повсюду дѣйствовали подобнымъ же образомъ.

Въ военномъ обзорѣ „Русскаго Инвалида“ за № 102 читаемъ слѣдующія строки.

„Чѣмъ больше доходитъ до насъ извѣстій о подробностяхъ дѣйствій третьей арміи, тѣмъ больше можемъ мы ею гордиться: быстро уйти изъ огромной зубастой пасти колоссальнаго чудовищнаго превосходства, поломавъ достаточно ему зубовъ—подвигъ рѣдкій, огорошивающій противника. Про руку же полководца, владѣющаго ею, было сказано высокимъ авторитетомъ, что если она проситъ поддержки въ 2—3 корпуса, надо послать для ординарной руки 6—7 корпусовъ“.

Если высокій авторитетъ даетъ такую выдающуюся оцѣнку дѣйствій верховодителя доблестной третьей арміи, то въ оцѣнкѣ его подчиненныхъ, по сказаніямъ военныхъ корреспондентовъ, личность этого военачальника обрисовывается въ слѣдующихъ четырехъ картинахъ:

I.

„Вотъ показывается всѣмъ знакомая фигура генерала, идущаго въ сопровожденіи своихъ двухъ адъютантовъ. Проходящая рота, замѣтивъ его, подтягивается и молодецки проходитъ мимо, заслуживъ большую похвалу за свой внѣшній видъ.

Командующій совершаетъ свою обычную прогулку, и дойдя до улицы около этапнаго коменданта, гдѣ всегда можно видѣть отходящія части пополненія, поворачиваетъ въ эту улицу и, поздоровавшись съ ротою, долго говоритъ съ людьми, папугуя ихъ передъ выходомъ на передовыя позиціи.

Мертвая тишина наступаетъ на улицѣ, на которой стоитъ нѣсколько сотенъ людей, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ прислушивающихся къ словамъ генерала, по одному слову котораго они уже готовы умереть каждую секунду. На лицахъ написанъ порывъ, готовность постоять за себя и не ударить лицомъ въ грязь.

— Въ этомъ всегда его отдыхъ,—поясняетъ мнѣ полковникъ Б., состоящій при штабѣ.

— Поразительно энергиченъ и неутомимъ. Съ солдатами же любитъ поговорить ¹⁾“.

II.

„Впереди рѣзко выдѣляется плотная фигура генерала съ двумя георгіевскими крестами,—это командующій арміею вышелъ встрѣтить проходящій мимо одинъ изъ боевыхъ особенно отличившихся полковъ своей арміи, идущій навстрѣчу врагу.

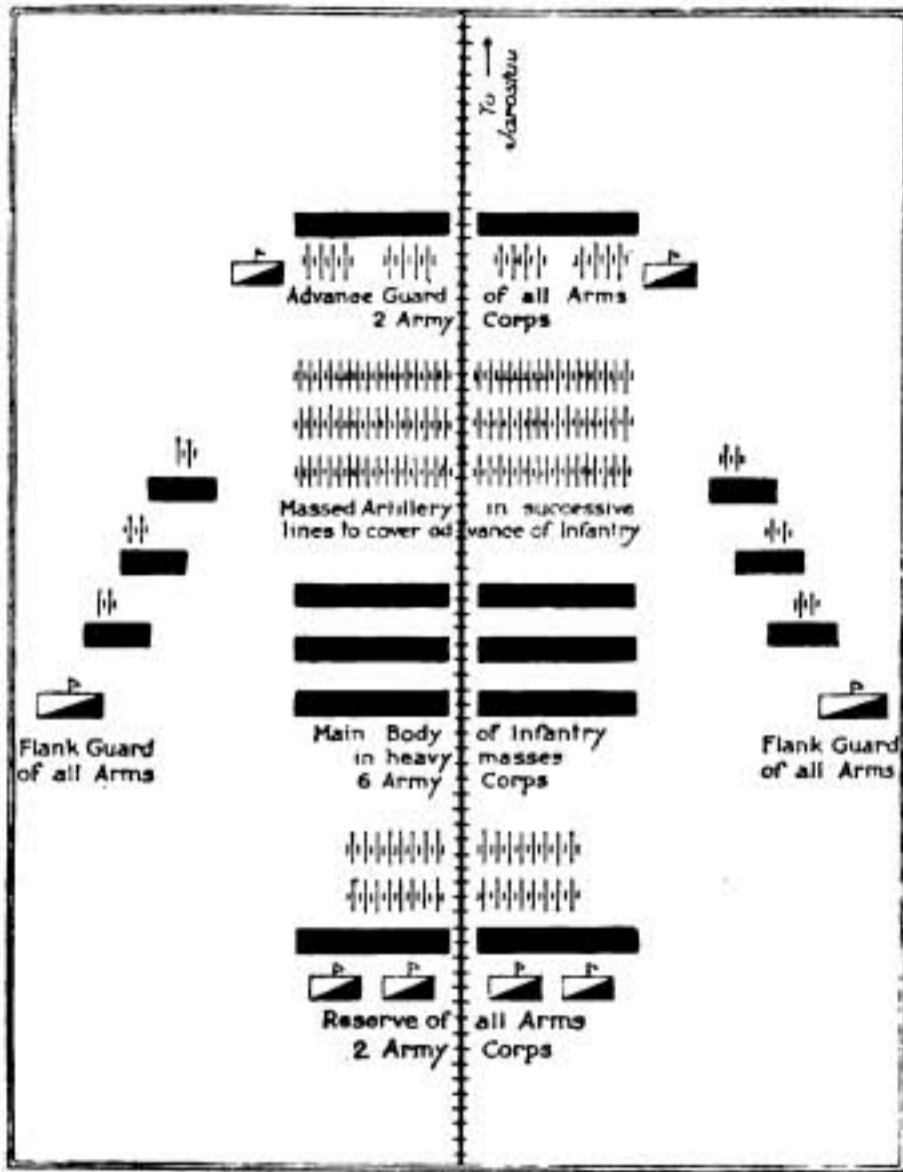
Начальникъ дивизіи и командиръ полка подъѣзжаютъ съ рапортомъ.

Громко звучитъ команда „смирно, гг. офицеры“.

Оркестръ музыки съ сильно помятыми, прострѣленными трубами съ особымъ стараніемъ играетъ веселый маршъ и, зайдя флангомъ, останавливается на противоположной сторонѣ улицы передъ командующимъ, который пристально всматривается въ надвигающіеся ряды первой роты.

Просидѣвшіе непрерывно долгое время въ окопахъ, а затѣмъ сдѣлавшіе нѣсколько большихъ переходовъ, люди полка въ заношенныхъ шинеляхъ, покрытыхъ грязью сапогахъ, съ полотнищами походныхъ палатокъ черезъ плечо, съ чайниками и кружками за поясами, сразу своимъ видомъ подтверждаютъ, что это боевая часть, снова идущая въ бой.

¹⁾ Развѣдчикъ № 1284 с. г.

Наши враги: Фаланга генерала Макензена

На груди у многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ бѣлѣютъ георгіевскіе кресты.

Отдѣльно здороваясь съ ротными командирами, вѣдущими впереди своихъ ротъ, командующій пытливо смотритъ въ лица солдатъ, которые, сразу полтянувшись и выровнявшись, проходятъ твердымъ, бодрымъ шагомъ мимо.

— Здорово, храбрая первая рота!

— Здорово, молодцы второй роты!

— Здорово, пятая доблестная рота!—привѣтствуетъ генераль людей, дѣлая различія въ словахъ и отгѣняя особенно отличія тѣхъ ротъ, которыя ихъ проявили въ различныхъ дѣлахъ съ начала войны.

— Какая удивительная память—шепчетъ мнѣ стоящій рядомъ старшій штабъ-офицеръ полка, полковникъ О.

Командующій знаетъ все, что касается каждаго полка. Да не только полка, но баталіона, роты. Помнитъ даже всѣхъ офицеровъ, которые отличились.

— Спасибо вамъ за вашу боевую службу! Желаю съ Божіей помощью и дальше также служить.

Сосредоточенно натянутыя лица солдатъ разомъ озаряются внутреннимъ свѣтомъ, глаза вспыхиваютъ, и бодрое „рады стараться“,—„постараемся, ваше прево—во“ дружно гремитъ въ отвѣтъ.

И въ этихъ громкихъ отвѣтахъ сотенъ голосовъ слышится сила и увѣренность въ побѣдѣ.

Гордые похвалою своего вождя, люди еще тверже отбиваютъ шагъ по каменной мостовой, и чувствуется, что идетъ могучая масса людей, спаянная одною общею мыслью, однимъ общимъ желаніемъ поддержать славу своего полка.

Сотни глазъ прямо вливаются въ фигуру командующаго, готовые умереть по его слову, а онъ въ свою очередь съ особымъ вниманіемъ всматривается въ этихъ близкихъ ему дорогихъ людей.

И чувствуется, что между вождемъ и этою сѣрою массою идутъ особые токи, соединяющіе ихъ волю съ его волею, и люди, видящіе его даже первый разъ, уже покорены внутреннею силою этихъ черныхъ глазъ, въ которыхъ свѣтится непреклонная воля полководца.

Молодцеватый фельдфебель, идущій въ замкѣ одной изъ ротъ, сразу привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе.

Грудь этого молодца украшена четырьмя Георгіевскими крестами.

Командующій тотчасъ же подзываетъ его къ себѣ.

Вытянувшись въ струнку, фельдфебель замираетъ, стоя передъ генераломъ.

Командующій разспрашиваетъ подробно, за какія дѣла онъ получилъ Георгіевскіе кресты, благодаритъ особо его за службу и подаетъ ему руку, желая такимъ же молодцомъ служить и дальше, показывая примѣръ молодежи.

Фельдфебель вспыхиваетъ весь, какъ застѣнчивая дѣвушка, и съ сіяющими гордостью глазами догоняетъ своего ротнаго командира, спѣша доложить офицеру о выпавшей ему рѣдкой чести ¹⁾.

III.

„Въ спину намъ дулъ холодный вѣтеръ. Казаки бѣжали по шоссе, бились плечами одинъ о другого, отставали отъ коней и сейчасъ же догоняли.

— Ухъ, холодно!.. слышалось позади.

Гдѣ-то стучалъ моторъ. Я оглянулся. Сѣрый, маленькій самокатъ несея на насъ.

— Лошадей держи!.. Не бросай!.. кричалъ вахмистръ.

Мы посторонились. Съ шумомъ и трескомъ легкій автомобиль пронесся мимо насъ. Оттуда крикнули:

— Командующій арміей ѣдетъ позади!..

Казаки подтянулись. Оправили поношенные и сбитыя на бокъ шинели, затянули ремни и стали съ боку лошадей.

Опять послышался стукъ мотора.

— Смирно!.. Равненіе налѣво!.. Господа офицеры!.. скомадовалъ командиръ послѣдней сотни.

— Здорово, молодцы!..

— Здра-а... вашество!..

Въ глазахъ казаковъ можно было читать любопытство, смѣшанное съ чувствомъ глубокаго поклоненія тому, въ чью сторону они повернули головы. Его „ѣли“ глазами... О, имя генерала Радко Дмитріева такъ высоко въ арміи, передъ нимъ такъ поклоняются многотысячные ряды сѣрыхъ бойцовъ!

А онъ спокойнымъ, яснымъ взоромъ обводилъ шеренги длинной колонны полка. Ему хотѣлось увидѣть cadaго казака въ томъ видѣ, въ какой нарядилъ его походъ, а казаки забыли и про равненіе, и про то, какъ надо держать головы, руки... Они горѣли однимъ желаніемъ: посмотрѣть на чернаго генерала...

¹⁾ „Развѣдчикъ“, № 1286 с. г.

Не скажу почему, но мнѣ не разъ приходилось слышать на-ряду съ именемъ Радко эпитетъ „черный“.

— Нынче „черный“ генералъ веселый... Глаза-то такъ и ходили по насъ... Хорошій генералъ... говорили казаки, когда моторъ скрылся въ улицахъ небольшого мѣстечка.

— Я слыхалъ отъ солдатъ, какъ въ ентомъ бою онъ подъ огнемъ держался: по немъ стрѣляютъ, кругомъ адъ, а онъ, какъ дома: покуриваетъ, да и все!.. Отъ пороха, сказывали, ажъпо чернымъ сдѣлался...

— Да нынче дыма нѣту отъ пороха...

— Ну, я ужъ не знаю, а только сказывали...

И этотъ разговоръ у нихъ тянулся безъ конца¹⁾.

IV.

„За нѣсколько дней передъ моимъ прїѣздомъ вышелъ такой случай, что командующій со штабомъ чуть ли не въ лицо непріятеля разглядывалъ. Его всюду видятъ, и у батарей, и въ штабѣ полка, и на передовой линіи. Такой ужъ беспокойный человекъ, — чужому глазу не вѣрять, да и солдатскую нужду хочется ближе узнать. Зато и знаетъ его каждый солдатъ. Въ разговорѣ непременно имя генерала вспомнятъ и назоветь не иначе, какъ „нашимъ“.

— Безстрашный... нашъ-то, съ солдатами заодно въ окопѣ стоитъ... Зато и любятъ же его.

Солдатъ невольно заражается примѣромъ командующаго, подтягивается и старается въ грязь лицомъ не ударить.

— Коль генералъ за окопами ходитъ, такъ и намъ нагибаться не слѣдуетъ...

Въ тотъ день командующій былъ въ такой близости отъ непріятеля, что можно было различить отдѣльныя выглядывавшія каски германцевъ. Наши спускались въ долину, успѣхъ переходилъ то на ту, то на другую сторону. Одинъ изъ штабныхъ офицеровъ замѣтилъ, что справа и слѣва кто-то подползаетъ, взбирается на гору, пробирается къ нашему окопу; только тогда уговорили генерала уйти. А черезъ четверть часа окопъ этотъ, хотя и временно, но былъ занятъ непріателемъ²⁾“.

¹⁾ Лѣтопись войны № 30 сего года.

²⁾ „Веч. Вр.“ 28 апрѣля с. г.

7—10 мая. Въ г. Вольскѣ мылись въ банѣ среди прочихъ нѣмка и татарка. Нѣмка сказала насмѣшливо: „Ну, пощиплютъ теперь вашу Россію!“ Татарка молча отошла, нацѣдила въ шайку горячей воды, вернулась и ошпарила кипяткомъ нѣмку, обваривши брызгами и себя.

Случай маленькій, но въ немъ, какъ въ каплѣ воды, отражается пламя бурнаго пожара чувствъ, который сотрясаетъ сейчасъ всю Россію.

Италіанская палата депутатовъ, при бурныхъ рукоплесканіяхъ приняла 7 мая проектъ закона, предоставляющаго правительству чрезвычайныя полномочія на случай войны.

Германскій посолъ графъ Бернсторфъ провелъ послѣдніе дни въ отелѣ, въ Вашингтонѣ, гдѣ его осаждали журналисты. Графъ покинулъ отель на автомобилѣ. Только-что автомобиль успѣлъ отъѣхать отъ подъѣзда отеля, какъ одинъ изъ американскихъ журналистовъ, остановивъ шофера, крикнулъ послу:

— Американскіе граждане считаютъ потопленіе „Лузитанія“ хладнокровнымъ убійствомъ!

Посолъ освободился отъ журналиста и снова приказалъ шоферу ѣхать. На вокзалѣ посолъ былъ, однако, снова мгновенно окруженъ толпой интервьюеровъ. Графъ Бернсторфъ, поблѣднѣвъ отъ бѣшенства, крикнулъ имъ:

— Я не скажу вамъ ни слова! — и заперся въ телефонной будкѣ.

Минуту спустя онъ вышелъ изъ нея въ сопровожденіи телефоннаго разсылнаго, насмѣшливо крикнувшаго ему вслѣдъ:

— Вы не заплатили за разговоръ, эй вы!

У посла задергалось лицо, когда со всѣхъ сторонъ послышались возгласы:

— Вотъ главный виновникъ убійства 100 американскихъ гражданъ!

Въ поѣздѣ ему не удалось найти себѣ мѣста, тогда онъ пытался скрыться отъ толпы за дверью купе для курящихъ, но кто-то немедленно постучалъ снаружи въ оконное стекло и воскликнулъ:

— Милостивыя государыни и милостивые государи, смотрите, германскій посолъ! ¹⁾

¹⁾ „Веч. Вр.“, 8 мая с. г.

Болгарская газета „Камбана“, состоящая на содержаніи у Германіи, печатаетъ противъ Россіи такого содержанія статьи: „Русское предательство“, „Подлая пропаганда Россіи“, „Погромъ русской арміи и русской политики“, „Послѣднее издыханіе Россіи“, „Дорогой гость и истинный другъ Болгаріи — Гольцъ-паша“, „Не освободительница, а поработительница (Россія)“, „Не умъ, а кнутъ“, „Варварство русской дипломатіи“, „Торгашество Россіи“.

Не правда ли: милыя слова болгарина по адресу освободительницы Россіи.

Седьмого мая Россія и флотъ понесли тяжкую потерю. Скончался доблестный вождь Балтійскаго флота, адмиралъ Эссенъ, такъ доблестно себя прославившій и въ настоящую и въ Японскую войну.

Въ настоящее время представляется крайняя необходимость перенесенія очага германизма въ Россіи, Юрьевскаго университета, во внутрь Россіи.

Образованіе, полученное въ этомъ университетѣ, сковало сколькихъ, яростныхъ враговъ Россіи, и пора намъ перестать готовить впредь этихъ враговъ на кровныя русскія деньги.

Н. Маринъ въ своей корреспонденціи въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ рисуетъ такъ дѣятельность черноморскихъ тралеровъ:

„Война создала еще особую спеціальность — ловить различныя мины, ежесекундно рискуя собственной головой.“

Уже скоро 7 мѣсяцевъ, какъ на Черномъ морѣ наша партія траленія занимается этимъ опаснымъ дѣломъ.

Въ ясный день, когда море чаруетъ своею гладью, въ жестокой штормъ, когда сѣдя волны, какъ дикіе звѣри, несутся на берегъ, все сокрушая на своемъ пути, тралеры постоянно за работой, съ утра до самаго поздняго вечера.

Копшатся на морѣ, что-то дѣлаютъ, и только глухіе взрывы порою отмѣчаютъ ихъ дѣятельность.

Шагъ за шагомъ они изслѣдуютъ буквально каждый вершокъ моря.

Своею грудью они расчищаютъ отъ минъ необходимый проходъ для судовъ.

¹⁾ „Русск. Сл.“ 10 мая с. г.

Минныя загражденія не щадятъ ни своихъ, ни чужихъ. Турецкій заградитель во время этой войны погибъ отъ мины, которую онъ только-что поставилъ.

Одного взрыва современной мины достаточно, чтобы въ нѣсколько минутъ погибъ цѣлый пловучій корабль-городъ съ тысячнымъ населеніемъ, съ такими техническими усовершенствованіями, какихъ и не снилось настоящему городу.

А, вѣдь, каждый корабль построенъ въ расчетъ противостоять губительному дѣйствию мины!..

Въ миномъ загражденіи, опоясывающемъ побережье, десятки тысячъ минъ. Минныя загражденія тянутся на много-много верстъ.

Ничто не можетъ противостоять разрушительной работѣ волнъ. Общей участи, къ сожалѣнію, не избѣгаютъ и минныя загражденія.

Мины срываются волнами съ своихъ мѣстъ, и не рѣдкость встрѣтить эту „игрушку“ тамъ, гдѣ ей совсѣмъ не полагалось находиться.

При такихъ условіяхъ море должно быть подъ постояннымъ наблюденіемъ.

Одну изъ функцій въ данномъ отношеніи выполняютъ наши тралеры.

Работа тяжелая, требующая высшаго напряженія у личнаго состава.

На тралерахъ лежитъ отвѣтственность за цѣлость кораблей эскадры при проходѣ въ опасныхъ участкахъ моря.

И нужно отдать справедливость: эти обязанности они все время исполняли „не за страхъ, а за совѣсть“, — въ буквальномъ смыслѣ.

Былъ жестокій штормъ.

Наши корабли метало, какъ маятники. При ударахъ волнъ спеціальнй приборъ отмѣчалъ кренъ большихъ судовъ эскадры почти до 20-ти градусовъ. Корабли захлебывались въ соленой водѣ.

Необходимо было пройти опасное мѣсто. Впередъ выдвинулись тралеры. Порою ихъ совсѣмъ не видно за многосажеными водяными вадами.

Но легкія суда, какъ ни въ чемъ не бывало, принялись за свою работу. Лишь на этотъ разъ курсомъ всѣхъ кораблей командовалъ начальникъ тралящаго каравана.

— Необходимо уменьшить ходъ...

— Держитесь ближе...

Корабли шли, повинуюсь каждому движенію тралеровъ.

Когда опасность миновала, на флагманскомъ кораблѣ взвился сигналъ, повторенный всѣми военными судами:

— Адмиралъ изъявляетъ свое особенное удовольствіе партіи траленія.

А тралеры сигналомъ же скромно отвѣтили:

— Видимъ сигналъ“.

Наши нѣмецкіе менониты утверждаютъ, что они не могутъ держать оружія по религіознымъ соображеніямъ, но это соображеніе ясно опровергается, когда предержанія власти вынуждаются производить обыскъ, тогда оказывается, что менониты имѣютъ оружіе.

Вотъ еще картинка звѣрства нѣмцевъ ¹⁾.

„Казакъ Иванъ Пичуевъ 5-й сотни Уссурійскаго полка, будучи взятъ въ плѣнъ нѣмцами на Наревскомъ фронтѣ, въ ночь со 2-го на 3-е мая подвергся истязаніямъ, которыя причинилъ ему нѣмецкій офицеръ, и которыя состояли въ слѣдующемъ: на лѣвомъ ухѣ отрѣзана верхне-наружная часть ушной раковины, приблизительно четвертая часть раковины, при чемъ сильное кровотеченіе. На правомъ ухѣ отрѣзанъ большой кусокъ ушной раковины въ верхней ея части. На наружной поверхности праваго бедра имѣются четыре параллельныхъ поверхностныхъ линейныхъ разрѣза кожи длиною 13 сантиметровъ разрѣзы начинаются на серединѣ бедра и не доходятъ на 4-е. Всѣ пальца до верхняго края колѣнной чашечки. Два среднихъ разрѣза болѣе глубоки, доходятъ почти до жировой клѣтчатки и кровоточатъ. Повидимому, это была подготовка для такъ называемаго нѣмцами лампаса.

По показаніямъ Пичуева, нѣмцы подвергли его такому жестокому истязанію за отказъ сообщить свѣдѣнія о расположеніи и количествѣ нашихъ войскъ. Пичуеву въ ночь съ 3-го на 4-е мая удалось бѣжать изъ плѣна и выйти къ нашимъ войскамъ.

Пораненія эти удостовѣрены медицинскимъ протоколомъ, составленнымъ въ перевязочномъ отрядѣ.

Кромѣ того, передъ описаннымъ истязаніемъ, по словамъ Пичуева, нѣмцы его подвѣшивали сначала за руки, а потомъ за ноги головою внизъ“.

¹⁾ Глав. Упр. Генер. Штаба 10 мая.

И вторая картинка:

„Прибывшіе въ Вильну санитары летучаго отряда передаютъ, что 7-го мая въ Поневѣжъ доставлены двѣ сестры милосердія, надъ которыми нѣмецкіе солдаты совершили насиліе.

Несчастныя найдены нашими санитарями въ лѣсу у Шадовы. Здѣсь онѣ пролежали двѣ недѣли, питаюсь травой и корнями.

Дикое насиліе нѣмцевъ и двухнедѣльное пребываніе въ лѣсу, при отсутствіи пищи, такъ повліяли на дѣвушекъ, что онѣ обѣ лишились разсудка“.

Третья картинка такая:

„Во время боя на станціи человекъ десять нашихъ раненыхъ, желая укрыться отъ свистѣвшихъ пуль, забрались въ пакгаузъ. Когда станція оказалась въ рукахъ нѣмцевъ, нѣсколько человекъ ихъ, привлеченные стопами, вбѣжали въ пакгаузъ. Увидѣвъ раненыхъ, нѣмцы о чемъ-то потолковали между собою, а затѣмъ, обрызгавъ быстро стѣны пакгауза внутри и снаружи имѣвшейся у нихъ въ особыхъ приборахъ горючей жидкостью и заперевъ на засовъ дверь, подожгли пакгаузъ.

Стены заживо сгоравшихъ нашихъ солдатъ не разжалобили озвѣрѣвшихъ дикарей. Они стояли и смотрѣли, пока не обвалилась крыша пакгауза.

Италія объявила войну Австріи. Въ Петроградѣ и во многихъ городахъ по этому поводу произошли самыя сочувственныя демонстраціи въ честь Италіи.

Командующій однимъ изъ военныхъ округовъ въ Восточной Пруссіи передавалъ, что въ разгаръ войны изъ Россіи продавалось огромное количество зерна въ Румынію для дальнѣйшаго слѣдованія въ Германію, и что значительное количество русской нефти и керосина идетъ черезъ Румынію въ Германію ¹⁾.

Въ Кіевѣ, по словамъ „Од. Нов.“, прибылъ судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Петроградскаго окружнаго суда Александровъ для разслѣдованія обстоятельствъ скупки въ кіевскомъ районѣ и перевозки по Юго-Западнымъ дорогамъ весьма значительныхъ грузовъ мѣднаго лома.

¹⁾ „Нов. Вр.“, 13 мая сего года.

Оказывается, что нѣсколько мѣсяцевъ назадъ необнаруженныя пока лица производили въ довольно широкихъ размѣрахъ скупку мѣди на заводахъ, преимущественно винокуренныхъ и пивоваренныхъ, и въ частныхъ складахъ. Есть основанія полагать, что скупка носила злонамѣренный характеръ, такъ какъ всѣ транспорты мѣди направлялись въ Либаву.

Разсказываютъ, что одинъ изъ петроградскихъ сихъ дѣлъ мастеровъ уже высланъ въ Сибирь, передавъ свои многочисленныя акція извѣстному нѣмцелюбу. Казалось, что сему господину надо было уготовить мѣсто не въ Сибири, а подъ перекладной висѣлицы.

Передаютъ ¹⁾, что однимъ лицомъ достигнуты удачныя опыты лѣченія туберкулеза, рака, гангренознаго воспаленія ультра-фіолетовыми лучами.

Приводимъ разсказъ одного изъ пассажировъ, спасшагося съ „Лузитанія“:

— „Лузитанія“ погибла ровно черезъ 20 минутъ послѣ взрыва. На нашихъ глазахъ происходили такія сцены: обезумѣвшія женщины съ дѣтьми бросались въ шлюпки, а затѣмъ снова тянулись къ пароходу, въ надеждѣ спасти кое-какія вещи. Въ общей суматохѣ онѣ гибли. Нѣсколько человѣкъ на нашихъ глазахъ умерли отъ разрыва сердца, и ихъ даже не вынесли изъ каюты... Вокругъ парохода сотни людей барахтались, хватаясь за бревна, плававшіе куски мебели, бочки, картины, а на роялѣ нѣсколько человѣкъ почти въ продолженіе часа сражались съ волнами, то выплывая, то снова погружаясь въ воду.

Одна англичанка, срисовывавшая въ моментъ катастрофы Богоматерь съ младенцемъ, вмѣстѣ съ мольбертомъ долго носилась по океану, и мы видѣли, какъ она съ обезумѣвшими глазами, высоко поднимая надъ собой картину, въ пробковой курткѣ, захлестываемая волнами, долго боролась, пока не нашла смерть въ морской пучинѣ. Много несчастныхъ случаевъ произошло изъ-за того, что многіе, уже находившіеся на шлюпкахъ, не желая покидать остальныхъ, бросались къ нимъ на помощь, а шлюпки, и безъ того переполненныя, шли ко дну. Нѣсколько шлюпокъ на нашихъ глазахъ перевернулись, но это

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“, 14 мая.

произошло почти въ тотъ моментъ, когда уже прибыли спасательные пароходы.

Хотя спасательными поясами воспользовались далеко не всѣ, но слѣдуетъ сказать, что пояса были очень хороши. Люди довольно долго держались на водѣ. Особенно тяжело было смотрѣть на множество дѣтскихъ трупиковъ, среди которыхъ были годовалые малютки. Одна молодая женщина съ ребенкомъ, ухватившись за плетеное кресло и сбросивъ съ себя платье, съ рыданіями умоляла помочь ей доплыть до ближайшей шлюпки, въ которую она почему-то не могла попасть. Потомъ мы эту женщину, совершенно посѣдѣвшую, видѣли на сушѣ, но уже безъ ребенка.

Трогательное зрѣлище представлялъ моментъ прибытія первыхъ пароходовъ, высланныхъ командиромъ порта Кинстоунъ. Увидѣвъ приближающіеся пароходы, погибающіе начали пѣть молитвы, которыя были подхвачены матросами.

Его Величество Государь Императоръ изволилъ возвратиться 14 сего мая изъ дѣйствующей арміи въ Царское Село ¹⁾).

16—25 мая. Сообщаютъ, что въ симферопольскомъ обществѣ взаимнаго кредита недавно состоялись выборы правленія, и выбраны всѣ нѣмцы и ихъ приспѣшники.

Начальникъ передового санитарнаго отряда передаетъ объ ужасномъ случаѣ надругательства и насилія надъ сестрой милосердія. Въ началѣ шавельской операціи она попала въ плѣнъ къ нѣмцамъ. Они не отправили ее въ тылъ, а держали около двухъ недѣль въ окопахъ. На ночь раздѣвали донага и привязывали за ногу къ колу. Насиловалъ, кто хотѣлъ, въ общемъ свыше ста человекъ. Когда несчастная изнемогла и впала въ безпамятство, ее отвязали и оставили на произволъ судьбы. Спасли ей жизнь мѣстные крестьяне, спрятали въ халупѣ отъ озвѣрѣвшихъ мерзавцовъ и привезли въ Радзивилишки. Теперь эта новая жертва нѣмецкой гнусности лежитъ въ 28 запасномъ госпиталѣ. У нея воспаленіе брюшины. Крайне высокая темпе-

¹⁾ „Русскій Инвалидъ“, № 106.

ратура, явные признаки остраго помѣшательства и въ довершеніе всего ее заразили подлой венерической болѣзью. По понятнымъ причинамъ, фамиліи дѣвушки назвать не могу. Ей 17 лѣтъ, и она изъ хорошей, честной русской семьи ¹⁾.

Хирургическая и медицинская помощь нашимъ раненымъ рассчитывается германцами такъ, чтобы какъ можно большее количество плѣнныхъ погибало отъ небрежнаго и жестокаго ухода. Бинты для перевязки давались пропитанные гноемъ, раненые лежали въ грязномъ смоченномъ бѣльѣ, съ массой вшей, въ загноенныхъ простыняхъ, на матрацахъ, издающихъ зловоніе ²⁾. Бывали случаи, что умирающій буквально плавалъ въ лужѣ, состоящей изъ гноя, отдѣленій и изверженій.

Сообщаютъ, что въ одной только Таврической губерніи нѣмцамъ принадлежитъ одинъ милліонъ сто семьдесятъ тысячъ десятиныхъ наилучшей русской земли.

Плѣнные германцы наводнили Россію, они не желаютъ работать. Они желаютъ подготовить почву для будущихъ своихъ операцій. Повсюду плѣнные германцы изучаютъ русскій языкъ, изучаютъ мѣстныя условія, входятъ въ связи съ нужными имъ людьми. Несомнѣнно, многіе изъ нихъ по окончаніи войны останутся на мѣстахъ своей ссылки и мало-по-малу заберутъ все и всѣхъ въ свои руки.

Раньше нѣмецкая зараза двигалась съ такой скоростью, что за столѣтіе дошла отъ западной границы до Волги. За это время въ русскую жизнь вклинилось около трехъ милліоновъ носителей этой заразы. Но вотъ вспыхнула война, и за десять мѣсяцевъ восемью стами тысячъ носителей нѣмецкой заразы засѣяно огромное пространство Россіи отъ Волги до Великаго Океана.

Россійскому благодущію положительно нѣтъ предѣловъ! Въ то время, какъ въ нѣмецкихъ земляхъ плѣнныхъ цодъ строжайшимъ надзоромъ содержать въ концентраціонныхъ лагеряхъ и заставляютъ работать, у насъ плѣнные и высланные находятся

¹⁾ „Нов. Вр.“, 16 мая.

²⁾ Тамъ же.

ни изслѣдователей, изучающихъ еще мало извѣстныя имъ части Россіи съ тѣмъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ пустить въ нихъ корни.

Одинъ изъ французскихъ генераловъ передавалъ нашему корреспонденту ¹⁾.

— Изумительно, до чего эта война подняла религіозный духъ въ войскахъ. Болѣе трехъ четвертей моихъ солдатъ присутствуютъ при богослуженіи, и болѣе половины изъ нихъ приобщаются.

Я спросилъ, правда ли, какъ я слышалъ, что социалисты и анархисты очень отличаются на войнѣ?

— Они великолѣпно дерутся,—отвѣтилъ онъ съ растроганной улыбкой. У меня былъ такой случай: послѣ одного горячаго дѣла, при довольно драматическихъ условіяхъ,—я самъ былъ раненъ, и рука у меня была на перевязи,—я дѣлалъ смотръ войскамъ, поздравлялъ ихъ и благодарилъ за храбрость, и давалъ награды тѣмъ изъ солдатъ, которые особенно отличились. Между ними мнѣ указали одного, который въ частной жизни былъ извѣстенъ, какъ горячій проповѣдникъ идей антипатріотизма и анти-милитаризма. Я отвелъ его въ сторону и спросилъ: правда ли это это? Онъ отвѣтилъ, что правда.—Но какъ же это можно примирить съ вашимъ теперь героическимъ поведеніемъ?

Онъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и отвѣтилъ:

— Война, генераль, многому научаетъ...

Поучительное письмо получено изъ галиційскаго фронта ²⁾.

11-дюймовый снарядъ упалъ вблизи хаты. Хату разнесло въ щепки, вся крестьянская рухлядь улетѣла неизвѣстно куда; наружная дверь хаты была отброшена на 30 шаговъ, крытая соломой крыша развѣялась по всей деревнѣ, а образъ Спасителя остался цѣлъ, привѣшенный на тоненькой проволочкѣ къ уцѣлѣвшей какимъ-то способомъ балкѣ, даже стекло въ рамѣ образа не тронуло. Вблизи уцѣлѣвшаго образа, въ углу у балки, въ корзинѣ, оказалась нетронутой кошка со своими только-что появившимися на свѣтъ слѣпыми котятами. Этотъ случай произвелъ на всѣхъ насъ громадное впечатлѣніе.

¹⁾ „Нов. Вр.“, 21 мая с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“, 21 мая с. г.

Нашъ Балтійскій флотъ, помятуя завѣты незабвеннаго Эссена, поранилъ и повредилъ три судна нѣмецкой эскадры, которая быстро возвратилась нахъ-фатерландъ.

Началась промышленная мобилизація въ Москвѣ: фабрики и заводы всѣхъ наименованій должны работать на нашу армію. Въ добрый часъ. Давно уже пора.

Пріѣхавшіе съ позицій передаютъ о любопытномъ приказѣ, отданномъ германскимъ штабомъ по войскамъ на Бзурѣ.

Въ приказѣ говорится, между прочимъ:

„Самъ Богъ съ нами и за насъ. Борясь съ цѣлымъ міромъ, мы волею Его получили въ руки новое могучіе оружіе—газы, которымъ мы побѣдимъ враговъ. Могущество и господство великой Германіи надъ Европою являются единственной цѣлью нашей великой борьбы, а потому мы ни передъ чѣмъ не должны останавливаться и должны бороться до окончательнаго успѣха, обезпеченной побѣды. Не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ врагъ нашъ будетъ окончательно разбитъ“.

Приказъ призываетъ солдатъ не жалѣть русскихъ, ибо они издѣваются и убиваютъ нѣмецкихъ плѣнныхъ ¹⁾).

Германцы уже начали примѣнять на англійскомъ фронтѣ особыя зажигательныя пули.

26—31 мая. Курьезная исторія ²⁾ случилась въ казанскомъ обществѣ ветеринарныхъ врачей, въ которомъ членами состоитъ много нѣмцевъ. Въ отчетѣ общества была такая фраза.

„Дѣятельность общества за истекшіи годъ оказалась нѣсколько менѣе интенсивной, главнымъ образомъ, по причинѣ войны, объявленной Россіи германской коализаціей, во главѣ съ Кровавымъ Кайзеромъ“.

Слово „Кровавый Кайзеръ“ не понравилось ветеринарнымъ нѣмцамъ и ихъ приспѣшникамъ. На баллотировкѣ, поставленной председателемъ, было постановлено слово „Кровавый Кайзеръ“ исключить. Послѣ этого постановленія нѣкоторые члены

¹⁾ „Русск. Слово“ 25 мая сего года.

²⁾ „Нов. Вр.“, 26 мая с. г.

заявили о своемъ уходѣ изъ общества. Состоялось новое собраніе, которое вторично рѣшило „Кроваваго Кайзера“ поставить на своемъ мѣстѣ и зачеркнутому не вѣрять.

Съѣздъ промышленниковъ, состоявшійся въ Петроградѣ, своими постановленіями охватилъ всю Россію. Въ этой средѣ нашлись свои Минины, и ихъ пламенное желаніе поработать на боевое снабженіе нашей арміи зажгло сердца Мининыхъ по всей матушкѣ Руси.

Директоръ Московскаго металлическаго завода германскій подданный Карлъ Грабъ арестованъ по требованію штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Удивительно, что сіе обстоятельство не учинено предержажими властями.

На съѣздѣ промышленниковъ въ Петроградѣ 28 мая присутствовалъ предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко и произнесъ тамъ вдохновенную, преисполненную глубокаго патріотизма рѣчь о настоятельной необходимости всей русской промышленности объединиться и поработать на нужды арміи.

Прибывшіе съ боевыхъ позицій рассказываютъ:

— Видѣли, какъ нѣмцы заставляютъ нашихъ плѣнныхъ подносить снаряды противъ своихъ же и выставляютъ ихъ на бруствера во весь ростъ...

Рассказываютъ о послѣднихъ минутахъ погибшаго отъ германской мины „Енисей“:

Судно быстро уходило въ воду. На мостикѣ стоялъ командиръ, капитанъ I ранга Прохоровъ, и до послѣдней минуты геройски командовалъ и ободрялъ матросовъ громкимъ спокойнымъ голосомъ: „Братцы, не теряйся, берите, что можно для спасенія и тихо въ море опускайся, осторожно, не торопись“. Герой остался на мостикѣ послѣднимъ, и его никто больше не видѣлъ.

Особенная дѣятельность московскихъ нѣмцелюбовъ вывела изъ терпѣнія москвичей, и они въ маѣ мѣсяцѣ произвели погромъ нѣмецкихъ акціонерныхъ предпріятій и нѣмецкихъ завоковъ.

Съ 6-го мая по конецъ мѣсяца не очень-то пріятныя вѣсти съ театра войны. На Шавельскомъ фронтѣ, послѣ взятія нами укрѣпленной позиціи у Бубье, наступили дѣйствія съ перемѣннымъ успѣхомъ. На Варшавскомъ фронтѣ произошли безуспѣшныя атаки германцевъ, хотя и съ удушливыми газами. На Галиційскомъ фронтѣ за исключеніемъ взятія Синявы III кавказскимъ корпусомъ, успѣшныхъ дѣйствій у Ломинцы и на р. Свиць, подъ конецъ мѣсяца выдѣлилось наше наступленіе у Журавна на р. Днѣстръ, доставившее намъ 17 орудій, 78 пулеметовъ, 348 офиц. и 15 т. плѣнныхъ. Этотъ переходъ въ наступленіе былъ произведенъ тамошнимъ начальствомъ блестяще, съ полнымъ проявленіемъ надлежащей инициативы. Имя сего таланта скрыто подъ спудомъ отъ свѣдѣнія петроградскаго обывателя и вѣроятно гораздо позже будетъ извѣстно. На всемъ остальномъ Галиційскомъ фронтѣ повсюду многочисленныя силы германцевъ тѣснили насъ и захватили Перемышль, съ взорванными укрѣпленіями. Укрѣпленія эти ехидно подорвалъ Кусманекъ передъ сдачею намъ Перемышля, и передъ нашимъ отходомъ укрѣпленія были разрушены окончательно.

Вообще Божья искра военнаго дарованія съ 6 на 7 мая покинула у насъ Галиційскій фронтъ и оставила намъ въ утѣшеніе грядущимъ поколѣніямъ описаніе отхода 3-й арміи съ Дунайца на Санъ, которое такъ рельефно изложено въ „Оцѣнкѣ военныхъ событій“ обозрѣвателямъ „Русскаго Инвалида“ отъ 29 мая с. г.

Съ полнымъ правомъ 3-я армія можетъ сказать:

„Пройдетъ время, событія кристаллизуются, и нашъ отходъ къ Сану составитъ гордость Русской арміи. Совѣсть 3-й арміи совершенно спокойна, она честно и искусно исполнила свой долгъ, не дала себя уничтожить и создать изъ своего отхода катастрофы. Армія, хотя и сильно ослабленная, сохранила свою физіономію, свою честь, свой духъ, свою артиллерію, свои обозы, свои парки.

Изъ 700 орудій, которыя были въ ней по подсчету самихъ нѣмцевъ, она, стрѣляя до послѣдняго патрона, бросила только 50 орудій совершенно разбитыхъ и еще подорванныхъ нами, чтобы они не могли составить мало-мальски цѣнныхъ трофеевъ.

Каждый боецъ 3-й арміи, отъ командующаго до послѣдняго солдата, сознаетъ, что онъ сдѣлалъ великое дѣло. На фронтѣ 100 верстъ, составлявшемъ западный фронтъ 3-й арміи, на 6 нашихъ дивизій навалилось 14, изъ коихъ было германскихъ половина. И при такихъ условіяхъ 3-я армія дралась выше всякой похвалы, буквально истекая кровью, нанося огромный уронъ врагу. Нѣмцы могутъ сказать, что они многихъ въ ней перебили въ концѣ концовъ, но не разбили арміи, хотя были дивизіи, потерявшія 90% своего состава и все же сохранившія свой обликъ и способность сражаться, чѣмъ и оправдывается фраза, помѣщенная въ началѣ оцѣнки отхода нашего отъ Дунайца къ Сану.

3-я армія своими упорными 18-ти дневными боями дала, буквально, возможность остальнымъ нашимъ арміямъ выбраться изъ дебрей Восточныхъ Карпатъ, перегруппироваться и занять болѣе сосредоточенное положеніе, чѣмъ вернула имъ свободу маневрированія. Въ 19-й день 3-я армія вышла уже изъ опасности быть разбитой и заняла обезпеченное положеніе, которое ей дало возможность, съ пополненіемъ рядовъ, дальше бить врага, маневрировать.

Обращаясь теперь къ тому, какъ наши противники объясняютъ, почему 3-я армія попала въ столь тяжелое положеніе, видимъ, что они полагаютъ, будто мы, ломаясь на югъ, въ Венгрію, заслонялись съ запада, со стороны Кракова, именно 3-й арміей, силою въ 4, примѣрно, корпуса, демонстративно растянувъ ее на 200 съ лишкомъ верстъ. Но на флангѣ, гдѣ она входила въ Карпаты, и ей была дана „венгерская“ задача, потому что большія части ея силъ ломились въ мезолаборческомъ направленіи, атакуя самыя неприступныя части Карпатъ, какъ тактическихъ позицій, и собравъ сюда все, что можно было, изъ своихъ силъ. На западъ же, какъ уже сказано, продолжало смотрѣть всего 6 дивизій, растянутыхъ на сотню и болѣе верстъ. И долго такое явно демонстративное расположеніе (или, какъ его называли въ самой арміи, „настоящая стратегическая провокація“) нарочно и сдерживало нѣмцевъ, и во время самага отхода нашего не хотѣвшихъ вѣрить, что передъ ними столь слабыя силы, и страшно преувеличивали ихъ число въ своихъ донесеніяхъ.

Такая работа войскъ стоитъ побѣды и, притомъ, побѣды не малой.

Отрадное впечатлѣніе производятъ за май мѣсяцъ полеты на Кавказъ Юденичевскихъ орловъ на турокъ всѣхъ кавказ-

скихъ фронтовъ. лихія набѣги черноморскаго флота на турецкія и нейтральныя суда, стремившіяся подвезти уголь и керосинъ въ Босфоръ, а также изрядная трепка германскому флоту въ Рижскомъ заливѣ нашимъ Балтійскимъ флотомъ, выведшая изъ германскаго строя три боевыхъ судна.

Май мѣсяць былъ очень несчастливъ для окончательнаго доказательства лояльности нѣкоторыхъ прибалтійскихъ бароновъ, при поставкѣ лошадей въ нашу армію во время мобилизаціи.

Сегодня уголовный кассационный департаментъ Правительствующаго Сената разсматривалъ кассационную жалобу осужденнаго барона Ферзена на обвинительный приговоръ Петроградской судебной палаты.

„Баронъ Куртъ Николаевичъ Ферзенъ признанъ виновнымъ въ томъ ¹⁾, что въ качествѣ завѣдующаго двѣнадцатымъ военно-конскимъ участкомъ Ревельскаго уѣзда при производствѣ имъ приѣма отъ населенія лошадей, подлежащихъ поставкѣ въ войска вслѣдствіе указа о мобилизаціи, выйдя изъ предѣловъ предоставленной ему закономъ власти и въ нарушеніе правилъ правительственной инструкціи, которою онъ обязанъ былъ руководиться, не произвелъ жеребьевки лошадей, не вызвалъ владѣльцевъ, добровольно желающихъ поставить своихъ лошадей, и самовольно освободилъ отъ поставки на сдаточный пунктъ значительную часть представленныхъ на сгонный пунктъ лошадей хорошаго качества, принадлежавшихъ бар. Мейендорфу, Жираръ-де-Сукантону и Штакельбергу, а также Яку Суйту, Тено Регастіку и ему, барону Ферзену. Лошади были освобождены отъ поставки въ войска, какъ не подходящія подъ требованія, предъявляемыя къ обознымъ лошадямъ. Затѣмъ баронъ представилъ на сдаточный пунктъ въ Ревелѣ вѣдомость со спискомъ 97 годныхъ лошадей, въ которую умышленно включилъ завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія о годности 38 лошадей, оказавшихся по провѣркѣ комиссіей совершенно негодными для приѣма въ войска, и намѣренно утаилъ истину, скрывъ наличность у частныхъ владѣльцевъ участка 24 вполне годныхъ лошадей, качествами своими значительно превосходившихъ принятыхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ представилъ и списокъ менѣе годныхъ лошадей, въ который завѣдомо ложно включилъ 24 ло-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1 мая с. г.

шади разныхъ владѣльцевъ, какъ оставшихся послѣ пріемки болѣе годныхъ, въ дѣйствительности же эти названныя менѣе годными лошади значительно превосходили своими качествами тѣхъ лошадей, которыя были представлены, какъ вполне годныя.

Осужденный за эти дѣянія ревельскимъ окружнымъ судомъ, какъ за превышеніе власти и служебные подлоги, баронъ перенесъ дѣло въ петроградскую судебную палату, доказывая, что ни превышенія власти, ни подлоговъ онъ не допустилъ, а просто неправильно истолковалъ инструкцію; къ тому же онъ считалъ выѣздныхъ помѣщичьихъ лошадей, какъ не втянутыхъ въ тяжелую работу, менѣе пригодными, чѣмъ крестьянскія и рабочія лошади. Эти и другія объясненія барона судебная палата признала незаслуживающими ни малѣйшаго довѣрія, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и ни съ чѣмъ несообразными. Свидѣтельскими показаніями установлено, что лучшихъ помѣщичьихъ лошадей баронъ не измѣрялъ и вовсе не осматривалъ, а экспертъ, ветеринарный врачъ Антоновъ, производившій осмотръ прошедшихъ чрезъ участокъ барона лошадей, засвидѣтельствовалъ, что разница между принятыми и забракованными барономъ лошадьми въ нѣкоторыхъ случаяхъ была не въ пользу первыхъ, „настолько велика и поразительна“, что она была очевидна и для неспеціалиста...

Палата въ свою очередь признала освобожденіе барономъ отъ поставки въ войска своихъ и другихъ владѣльцевъ лучшихъ лошадей съ замѣною ихъ совершенно негодными злонамѣреннымъ, отвергнувъ самую возможность предположенія о добросовѣстномъ со стороны подсудимаго заблужденіи, и приговорила его за превышеніе власти къ заключенію въ крѣпость на 6 мѣсяцевъ, а за подлоги (составленіе завѣдомо ложныхъ списковъ) къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ, и по совокупности обоихъ преступленій къ послѣднему наказанію.

Въ кассационной жалобѣ защитникъ осужденнаго доказывалъ отсутствіе въ дѣяніяхъ его признаковъ подлога, такъ какъ баронъ о качествахъ лошадей высказалъ лишь свое мнѣніе, быть можетъ и ошибочное, и обращалъ вниманіе Сената на цѣлый рядъ будто бы допущенныхъ палатою процессуальныхъ нарушеній, главнымъ образомъ выразившихся въ отказѣ подсудимому въ вызовѣ свидѣтелей и экспертовъ, но Правительствующій Сенатъ приговоръ палаты оставилъ въ силѣ.

7 мая въ Сенатѣ разсмотрѣна и оставлена безъ послѣдствій кассационная жалоба барона Таубе на приговоръ о немъ

петроградской судебной палаты, которымъ онъ присужденъ къ штрафу въ 1.900 р. за утайку во время мобилизаціи пяти лошадей ¹⁾).

„14 мая въ Сенатѣ разсмотрѣно дѣло барона О. Ф. Гойнингенъ-Гюне, привлекавшагося къ уголовной отвѣтственности по обвиненію въ превышеніи власти и служебныхъ подлогахъ. Первое выразилось въ томъ, что, состоя завѣдующимъ военно-конскимъ участкомъ въ Эстляндской губ., онъ при приѣмѣ отъ населенія лошадей во время мобилизаціи самовольно освободилъ отъ поставки въ войска значительное количество лучшихъ лошадей, принадлежавшихъ помѣщикамъ-дворянамъ. Бароновъ Теодора Гойнингенъ Гюне, Карла Деллинсгаузена, дворянъ фонъ-Фока и Нерлинга. Ревельскій окружный судъ, а затѣмъ и петроградская судебная палата приговорили къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ и 4 мѣсяца съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ. Резолюціей Сената жалоба оставлена безъ послѣдствій“ ²⁾).

Въ Ревелѣ окружный судъ приговорилъ помѣщика фонъ-Рамма за утайку лошадей при мобилизаціи къ штрафу въ 200 рублей, съ замѣной заключеніемъ въ тюрьму на 2 мѣсяца.

29 мая въ петроградской судебной палатѣ заслушано было очередное дѣло объ утайкѣ прибалтійскими баронами лошадей при мобилизаціи.

Въ качествѣ обвиняемаго фигурировалъ на этотъ разъ управляющій имѣніями графини Пиларъ-фонъ-Пильхау, Гуго Германсонъ, занимавшій постъ завѣдующаго 18-мъ военно-конскимъ участкомъ. Обвинялся онъ въ томъ, что при приѣмкѣ лошадей самовольно освободилъ 8 совершенно годныхъ лошадей графини Пиларъ-фонъ-Пильхау и доктора Ульмана и, кромѣ того, включилъ завѣдомо ложно въ списки вполне годныхъ лошадей 19 никуда негодныхъ лошадей графини, прикрывъ ими оставленныхъ у нея здоровыхъ лошадей.

При разсмотрѣніи этого дѣла въ ревельскомъ окружномъ судѣ Гуго Германсонъ призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что лошадей графини онъ скрылъ „условно“, предупредивъ ее, что если негодныя лошади не пройдутъ, то придется затребовать годныхъ. Лошадей же доктора Ульманса онъ освободилъ

¹⁾ „Нов. Вр.“, 8 мая сего года.

²⁾ „Нов. Вр.“, 14 и 15 мая сего года.

потому, что въ окрестныхъ селеніяхъ свирѣцствовала дизентерія, и доктору приходилось часто посѣщать больныхъ.

Ревельскій окружный судъ приговорилъ Гуго Германсона къ низшей мѣрѣ наказанія—4-мъ мѣсяцамъ крѣпости.

Петроградская судебная палата, куда жаловался Германсонъ, приговоръ этотъ утвердила ¹⁾.

Петроградскому обывателю невѣдомо, будутъ ли поступать въ Сенатъ подобныя кассационныя жалобы прибалтійскихъ бароновъ. Ему кажется, что вышеприведенныхъ фактовъ лояльности вполне достаточно въ дни нашей великой борьбы, когда каждый русскій крестьянинъ поставлялъ въ родную армію единственную лошадь-кормилицу.

Петроградскому обывателю хотѣлось бы знать жертвы прибалтійцевъ на нужды войны, ихъ воинскіе лазареты въ дѣйствующей арміи,—хотѣлось бы посмотреть флагъ Краснаго Креста въ Ригѣ, Митавѣ, Ревелѣ, Юрьевѣ и другихъ прибалтійскихъ городахъ и сравнить ихъ съ таковыми же внутри Россіи. Думается, что тутъ лояльность выказалась бы очень ярко.

Наши союзники на западѣ ведутъ артиллерійскіе бои, небольшія пѣхотныя стычки, минную войну, переходятъ къ боевымъ дѣйствіямъ на воздухѣ, налетамъ воздушныхъ эскадръ на пункты, имѣющіе особое значеніе для войны. Въ общемъ безъ переменъ.

Дѣйствительныя, энергичныя боевыя дѣйствія ведутся въ Дарданеллахъ.

Въ первомъ историческомъ засѣданіи Государственной Думы дѣйствительно лояльный латышко-русскій патриотъ Янъ Юрьевичъ Гольдманъ говорилъ въ своей рѣчи, какая встрѣча ожидаетъ германцевъ со стороны латышей. Всѣ пламенныя слова его высоко патриотической рѣчи сбылись въ текущіе дни войны самымъ точнымъ образомъ. Истинно лояльные патриоты-латыши предпочитаютъ закапывать въ землю свое добро, покидать свои хутора и мызы и угнать свой многочисленный скотъ, чѣмъ предоставить свое добро разбойникамъ-нѣмцамъ. Латышъ предпочтетъ сжечь свою усадьбу, только не могъ бы въ ней пере-

¹⁾ „Русское Слово“, 28 мая сего года.

ночевать нѣмецкій разъѣздъ, своимъ знаніемъ мѣстности они постоянно оказываютъ нашимъ войскамъ громадныя услуги. Латышъ встрѣчаетъ русскія войска съ полнымъ восторгомъ, выходитъ съ хлѣбомъ-солью, посылаетъ въ войска цѣлые воза окороковъ, масла, сыра, молока, яицъ, совершенно противоположныя той особенно лояльной встрѣчѣ, которую оказываютъ и оказывали постоянно и на маневрахъ мирнаго времени остзейскіе бароны русскимъ войскамъ. Всякій русскій солдатъ и офицеръ, который испыталъ эту лояльную встрѣчу, никогда ее не забудетъ.

Всѣ латыши говорятъ въ одинъ голосъ:

— Ахъ, если бы у насъ имѣлось оружіе! Мы покрыли бы всю страну летучими партизанскими отрядами. Мы знаемъ каждую тропинку въ лѣсахъ, каждый кустикъ, изъ-за котораго можно было бы снимать германскіе разъѣзды и заставы.

Вся латышская молодежь только и мечтаетъ,—попасть добровольцами въ наши ряды.

Особенно сочувственно относятся латыши къ семействамъ русскихъ чиновниковъ, когда, по обстоятельствамъ военнаго времени, ихъ надо было спасти и приютить.

Германцы самымъ звѣрскимъ образомъ расправляются съ латышами. Цѣлыми остаются баронскія усадьбы и имѣнія нѣмецкихъ колонистовъ.

По особымъ спискамъ германцы разыскиваютъ латышскихъ лидеровъ, выступавшихъ на городскихъ выборахъ противъ засилья цѣмцевъ.

Въ особенности германцы тщательно разыскиваютъ Гольдмана.

Послѣ смутнаго времени 1904 — 1905 года прибалтійцы приняли всѣ мѣры для замѣны своихъ служащихъ въ имѣніяхъ германцами и усилили расселеніе на краю нѣмецкихъ колонистовъ. Колонисты-нѣмцы съ восторгомъ встрѣчаютъ германцевъ, грабятъ вмѣстѣ съ ними имущество латышей и вмѣстѣ съ германцами уходятъ при перемѣнѣ военнаго счастья.

Германцы перевели въ дѣйствующія войска въ Курляндіи всѣхъ прежде служившихъ въ баронскихъ усадьбахъ, управляющихъ, лѣсничихъ, дойщиковъ и др., отлично знающихъ край передъ мобилизаціей бѣжавшихъ въ Германію. Своимъ знаніемъ края эти господа оказываютъ громадную помощь германцамъ.

Русскія, латышскія и эстонскія газеты преисполнены извѣстій о томъ, какъ прибалтійскіе помѣщики-дворяне относились съ германскимъ войскамъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ корреспонденцій въ теченіе мая мѣсяца. Въ Фрауэнбургѣ нѣмцы испортили телеграфъ и издали распоряженіе не разговаривать по-русски.

Въ этомъ районѣ вмѣстѣ съ нѣмецкими партіями исчезъ также владѣлецъ имѣнія Петерталь, баронъ Генкингъ съ сыномъ ¹⁾.

Въ окрестностяхъ Виндавы, въ им. Р., гдѣ остановился германскій отрядъ, пріѣзжали окрестные помѣщики за какими-то справками.

Въ им. Нигранденъ 22 апрѣля вошелъ германскій разъѣздъ. Офицеры расположились въ домѣ помѣщика Каула, извѣстнаго по своей прежней колонизаторской дѣятельности. Хозяинъ встрѣтилъ гостей съ большимъ радушіемъ ²⁾.

Въ имѣніи Петерталенъ, владѣльцемъ котораго состоитъ бар. Г., расположился на ночь большой германскій разъѣздъ. Вслѣдствіе того, что отрядомъ командовалъ сынъ бар. Г.,—уже давно указывалось, что онъ сражается въ рядахъ германской арміи противъ Россіи,—отряду было оказано широкое гостепріимство.

Въ имѣніи Кауцмюнде у графа Палена германскій разъѣздъ угощали виномъ. Во главѣ отряда стоялъ графъ фонъ-Спретти, бывшій управляющій гр. Палена и исчезнувшій за двѣ недѣли до войны.

Въ церковной корчмѣ им. Б. начальникъ германскаго разъѣзда сообщилъ, что онъ долженъ посѣтить им. Б—ле, гдѣ живетъ его дядя баронъ Г. ³⁾.

„Jaunais Wahrs“ сообщаетъ, что баронъ Гаральдъ Ганъ приказалъ своимъ батракамъ вывезти клеверъ и сѣно въ поле и сложить все въ копны. Каждую ночь сжигается одна копна неизвѣстно для какой цѣли ⁴⁾.

Въ Сесаускомъ пасторатѣ им. Елей, владѣльцемъ котораго состоитъ графъ Медемъ, кучеромъ служитъ нѣмецкій колонистъ. При появленіи германскихъ отрядовъ этотъ кучеръ занялъ видное положеніе. Германцамъ немедленно были переданы всѣ ключи, кучеръ водилъ дорогихъ гостей по имѣнію, показывая имъ подробности елейскаго хозяйства. Въ имѣніи Елей остался

¹⁾ „Биржевыя Вѣдомости“ 1 мая с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 3 мая с. г.

³⁾ „Новое Вр.“ 5 мая с. г.

⁴⁾ „Нов. Вр.“ 6 мая с. г.

управляющій графа Ю. Тей, которому и были даны инструкціи. Управляющій и принялъ германцевъ. Сначала нѣмцы посѣтили графскій замокъ, здѣсь они провели нѣсколько времени, играли на роялѣ, осматривали помѣщенія, въ это время въ Елейской гостиницѣ готовился ужинъ. Шталмейстеръ графа Медема привезъ нѣсколько бочекъ пива и массу продуктовъ. Изъ замка для дорогихъ гостей была назначена прислуга. Такъ пировали германцы въ имѣніи графа Медема 4 дня ¹⁾).

20 апрѣля, около 8 часовъ вечера,—разсказываетъ очевидецъ—на желѣзной дорогѣ, по направленію ²⁾ отъ имѣнія Казупена въ сторону Туккума, раздался взрывъ. Тотъ же часъ изъ имѣнія вышелъ младшій сынъ Л. и пошелъ прямо по полямъ въ направленіи взрыва. Вскорѣ раздался на томъ же мѣстѣ второй взрывъ, и черезъ нѣсколько минутъ на пути показалась дрезина. Появились германскіе кавалеристы, въ количествѣ 60 человекъ, съ однимъ фургономъ. Кавалеристы направились въ имѣніе, а дрезина проѣхала за Казупень въ сторону Митавы.

Прошло сравнительно немного времени, и вдругъ раздался третій взрывъ, который былъ значительно сильнѣе первыхъ. Дрезину остановили въ пути, а сами, разговаривая и куря папиросы, направились въ имѣніе, гдѣ дожидались ихъ кавалеристы.

Въ числѣ возвращавшихся германцевъ были и офицеры, такъ какъ Л., увидя ихъ, вышла изъ дома, радостно встрѣтила ихъ, стала говорить съ ними по-нѣмецки и троицъ пригласила въ домъ. Тотчасъ же лошади германцевъ были размѣщены по конюшнямъ, изъ амбаровъ имѣнія отпущенъ овесъ, а солдаты приглашены въ домъ.

Всю ночь германскіе солдаты пьянствовали и уѣхали изъ имѣнія 21 апрѣля, въ 9 часовъ утра.

Въ им. Бикстенъ (Туккумскаго уѣзда) германцы забрали лошадей, выдавъ оффиціальную квитанцію. Управляющему барона фонъ-деръ-Роопа, владѣльца им. Бикстенъ, обозначенная сумма показалась недостаточной. Онъ отправился въ ближайшій германскій штабъ, гдѣ былъ принятъ очень любезно. Дѣло, разумѣется, было улажено ³⁾).

¹⁾ „Нов. Вр.“ 12 мая с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“, 8 мая с. г.

³⁾ „Нов. В.“ 21 мая с. г.

Изъ им. Цирау, сообщить „Dzimte nes Wehstnesis“, бѣжалъ въ Либаву со всѣми своими колонистами баронъ Георгъ Цеге фонъ-Мантейфель. До сего времени этотъ баронъ считался однимъ изъ лояльнѣйшихъ, былъ уѣзднымъ предводителемъ гробинскаго дворянства и находился въ тѣсной дружбѣ съ представителемъ администраціи ¹⁾.

Очень много въ Либавѣ германскихъ офицеровъ, между которыми находится сынъ курляндскаго барона Мантейфеля.

Въ „Русскомъ Словѣ“ ²⁾, очевидецъ недавнихъ событій въ Курляндіи г. Петровъ такъ описываетъ нашествіе германцевъ:

Освѣдомленность нѣмцевъ была изумительная. По всему краю у бароновъ въ помѣстьяхъ лѣсники, егеря, управляющіе споконъ вѣка были нѣмцы, германскіе подданные. Всѣ они всегда были изъ запасныхъ германской арміи. И всѣ они теперь оказались унтеръ-офицерами, вахмистрами, а то и офицерами нѣмецкихъ частей, наводнившихъ Курляндію. Всѣ прекрасно знаютъ не только дороги, а и каждую тропинку въ лѣсахъ: еще бы,—они, вѣдь, десятки лѣтъ были лѣсниками и егерями здѣсь. Всѣ прекрасно знаютъ латышскій мѣстный крестьянскій языкъ.

Въ Курляндіи, по баронскимъ помѣстьямъ, гдѣ проходили нѣмецкіе разъѣзды, съ нѣмецкими хищниками происходила чудодѣйственная перемѣна. Бароны Курляндіи также „жалуются“, что проходившія нѣмецкія войска „ограбили“ ихъ.

— Брали лошадей. Брали телѣги. Брали хлѣбъ.

— У меня забрали тысячу пудовъ овса.

— У насъ весь разъѣздъ (30—40 человѣкъ) смѣнилъ лошадей. Оставили своихъ заморенныхъ и взяли нашихъ.

Но всѣ эти жалобы звучатъ странно и дышатъ наивностью. Отъ „ограбленныхъ“ баронскихъ усадебъ и не пахнетъ войною. Баронскія помѣстья, это—настоящіе замки-дворцы. Всегда на красивыхъ мѣстахъ. На холмахъ, среди парковъ и лѣсовъ. Вокругъ дворца-усадыбы богатыя пристройки: сараи, конюшни, скотные дворы, птичники, охотничьи дома.

¹⁾ „Нов. В.“ 23 мая с. г.

²⁾ „Русск. Сл.“ 14 и 16 мая с. г.

Сараи и амбары полны хлѣба, овса, ячменя. Все это почему-то не продавалось, держалось на мѣстахъ. Въ молочныхъ складахъ тысячи пудовъ масла. По конюшнямъ десятки да сотни, а то и болѣе сытыхъ, холеныхъ, породистыхъ лошадей. При каждой усадьбѣ чуть не на цѣлый обозъ всяческой сбруи, хомутовъ, телѣгъ и повозокъ. Баронскіе лѣса кругомъ полны заповѣдной дичи: всѣ бароны—охотники. Держать богатыя своры собакъ съ большимъ числомъ доѣзжихъ и егерей. Всѣ эти егеря и собачники—обязательно нѣмцы и, нѣмцы не мѣстные, свои, а непременно изъ Германіи. Таково здѣсь ужъ общее правило.

— Здѣсь нѣтъ своихъ умѣлыхъ людей,—объясняютъ бароны.—Въ Германіи иное дѣло: тамъ охота поставлена образцово, приходится приглашать людей оттуда.

И лѣсниковъ-нѣмцевъ бароны приглашаютъ изъ Германіи. И маслодѣловъ оттуда. И управляющихъ имѣніями.

— Тамъ, въ Германіи, поставлено все образцово,—твердятъ бароны.

„Образцово“, на-диво „грабили“ нѣмцы изъ Германіи и баронскія имѣнія теперь. Они брали, правда, тысячами пудовъ овесъ, нужныхъ на смѣну лошадей, сбрую, кожи, подводы подъ кожи и овесъ, но и только... Проходившіе нѣмцы-грабители не тронули и пальцемъ баронскіе дичники. Не тронули тысячи пудовъ масла. Не трогали хозяйственную утварь. Развѣ только немного для себя, на дорогу брали свиней. Все остальное уцѣлѣло. Во Франціи, въ занимаемыхъ осенью мѣстахъ, нѣмцы,—даже высшее офицерство,—какъ верблюды изъ пустыни, жрали ведрами вино изъ опустошенныхъ винныхъ погребовъ. Самъ кронпринцъ грабилъ непріятельскіе дворцы-замки. Въ Курляндіи, въ баронскихъ замкахъ-дворцахъ — ничего подобнаго. За исключеніемъ, правда, тѣхъ, у кого съ латышами были всегда добрыя отношенія, кто не считалъ вопросомъ хорошаго тона презирать Россію и русскихъ, кто смотрѣлъ на свой край, какъ на часть Россіи, и кто поэтому передъ приходомъ нѣмцевъ счелъ болѣе благоразумнымъ убраться отсюда подальше. Ихъ усадьбы разграбили „по-нѣмецки“. Тѣ же, кто остались на мѣстахъ, уцѣлѣли. У всѣхъ бароновъ-помѣщиковъ богатые винные погреба. Все это не тронуто. Жизнь въ усадьбахъ и послѣ „грабежа“ приходившихъ нѣмцевъ—та же, безъ какой-либо перемены. Дивящее россіянина богатство: множество комнатъ и прислуги, саксонскій фарфоръ, картины, гобелены, бронза, богатыя нѣмецкія бібліотеки. И на всемъ пути, гдѣ проходили нѣмцы, нигдѣ и подобія погромовъ, какіе творились въ поль-

скихъ усадьбахъ. Какъ до нѣмцевъ, такъ и сейчасъ, послѣ ухода ихъ, баронскія конюшни полны лошадей; слуги ихъ въ ливреяхъ; по стѣнамъ залъ—гравюры и картины; на столахъ—дорогой фарфоръ, хрусталь и серебро; винные погреба набиты выдержанными винами. Съ этой стороны можно порадоваться за курляндскихъ бароновъ-помѣщиковъ: они оказались счастливейше польскихъ.

Иначе приходилось окрестному крестьянскому населенію большею частью латышамъ.

На утро по Митавѣ стали проводить кучки плѣнныхъ: по семь, десять, пятнадцать человѣкъ, и горожане то и дѣло среди плѣнныхъ узнавали знакомыхъ: одинъ былъ изъ одного помѣстья служащимъ до войны, другой — изъ другого, третій — изъ третьяго. И плѣнные спокойно кланялись знакомымъ. Горожане-нѣмцы такъ же спокойно освѣдомлялись:

— А гдѣ такой-то?

— Въ такомъ-то полку. Въ пѣхотѣ. Въ конницѣ.

— Что съ такимъ-то, такимъ-то и съ такимъ-то?

— Раненъ. Живъ. Здоровъ. Убитъ.

Солдаты-конвойные, конечно, не понимали изъ выкриковъ черезъ ихъ головы, но чуяли, что здѣсь тѣсная, внутренняя связь и пріязнь, и, вопреки обычному русскому благодущію, сердито толкали впередъ плѣнныхъ, отгоняли бесѣдующихъ горожанъ.

— Иди, иди, не лопочи! Не въ гости пришелъ къ пріятелямъ!

Это знакомство плѣнныхъ съ иными горожанами, какъ равно и чуждый непонятный языкъ кругомъ, чуждыя глазу нѣмецкія буквы газетъ, чуждыя уху имена селеній, необычный послѣ пріязни поляковъ подъ Варшавой холодокъ населенія бросались въ глаза солдатамъ. Слышались недоумѣнія:

— Земля наша, а жизнь и народъ чужіе.

— „Больной“ край,—говорили иные вдумчивые наши офицеры.—Все время держали мы Польшу въ подозрѣніи, а поляки въ тяжелую минуту, глядите, какъ надежны оказались, а здѣсь нѣмецкій духъ былъ хозяиномъ, командовалъ и латышами, и литовцами, держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, жирѣлъ и роскошествовалъ за счетъ коренного населенія. Давилъ каждую попытку проявленія латышскаго и литовскаго самосознанія. Выдавалъ ихъ за вражду къ Россіи, дьявольски науськивалъ русскаго обывателя и рус-

скую власть на слабые побѣги литовской и латышской культуры: одни-де нѣмцы надежный оплотъ, а вышло, что это было все щупальцы германской погони за „вельтмахтомъ“ (за мировымъ владычествомъ).

Тамъ господа бароны, что ни говори, какъ ни возражай въ газетахъ, а неудачный наскокъ германцевъ въ Курляндію ясно обнаружилъ, что душа мѣстныхъ земельныхъ хозяевъ края не съ русскимъ народомъ, что это—люди не русскаго, а прусскаго духа. И повятно: что можетъ быть общаго съ русскимъ мужикомъ, съ русскими исканіями и чаяніями, съ русскою народною долею у этихъ господъ, привыкшихъ какъ на окрестныхъ латышей, такъ и на всю Россію смотрѣть глазами Момзена, Трейчке и учениковъ ихъ, будто Россія должна быть вотчиной нѣмцевъ, живутъ ли они въ предѣлахъ Россіи, или внѣ ея? Тутъ рѣчь идетъ не о нѣмцеѣдствѣ, а о томъ, что нѣмцы даже въ русскомъ краѣ занимались руссоѣдствомъ и за счетъ русской, латышской, литовской и польской народной нужды занимались нѣмцепитаніемъ. Не пора ли выпречь русскихъ, латышей, литовцевъ и другія затѣяныя народности изъ нѣмецкихъ оглоблей? Нсобходимо отстранить и нѣмецкое баронство съ главенствующаго мѣста въ Курляндіи. Ихъ громкія похвальбы о высокой нѣмецкой культурѣ въ краѣ пора выкинуть въ мусорную яму. Гдѣ она, эта ихъ культура? Въ пьянствѣ ихъ буршей? Въ богатыхъ охотахъ?

Наши плѣнные офицеры, недавно бѣжавшіе черезъ Голландію изъ лагеря военнопленныхъ въ Крефельдѣ, рассказывали, что во время пребыванія ихъ въ плѣну, передъ побѣгомъ, ихъ пустили въ городъ для участія въ похоронной процессіи умершаго нашего офицера, при чемъ ихъ поразило подавленное настроеніе населенія, стояція безъ работы фабрики; среди мужской части населенія они видѣли только мальчиковъ и стариковъ и повсюду массу калѣкъ. По прибытіи въ Петроградъ и представленіи въ соответствующее служебное мѣсто первымъ вопросомъ встрѣтившаго ихъ должностного лица былъ. Покажите ваши документы.

В. П.

